

Первое погружение в море идей Уилфреда Руперта Биона

Мазалова Наталья Александровна

- Психолог, психоаналитик
- Член ЕАРПП (Россия, РО-Новосибирск) и ЕСРР (Vienna, Austria)

Написание синопсиса на доклад Б.А. Еремина стало для меня аналогом погружения новичка с аквалангом в неведомые глубины удивительного моря под названием «Идеи Уилфреда Руперта Биона».

В настоящий момент в мировом пространстве современного психоанализа идеи У.Р. Биона становятся всё популярнее. Они востребованы в Великобритании и США, где он жил и создавал свои концепции. У Биона нашлись последователи в Италии, Аргентине, Бельгии, Бразилии, Израиле, Франции, Австралии, Японии и у нас в России. Регулярно проводятся международные конференции, посвященные творчеству Биона, например, миланская в 1997 г, римская в 2008 г, бостонская в 2009 г. А в декабре 2008 года в Центральном Доме Актера на Старом Арбате в Москве прошла международная психоаналитическая конференция «Идеи У.Р. Биона в современной психоаналитической практике». В ней приняли участие многие российские и иностранные специалисты, в том числе Роберт Хиншелвуд и Луис Родригес де ла Сьерра из Великобритании, Антонино Ферро и Джузеппе Чивитарезе из Италии, Ховард Левин и Лоуренс Браун из США и многие другие.

Исследователи работ Биона рассказывают, что его язык сложен для понимания из-за своеобразного стиля автора. Бцион в своих работах говорит о трудностях выражения новых идей уже знакомыми словами. Передать нюансы его теорий кажется невероятно тяжелой задачей, за которую и взялся наш коллега Борис Александрович Еремин, приверженец взглядов Биона, основатель московской школы бионианского и постбионианского психоанализа; он говорит, что после знакомства с мыслями Биона утратил прежние психоаналитические ориентиры.

Как трудно пересказывать Биона, также сложно пересказать доклад Бориса Александровича о бионианских и постбионианских идеях. У тех, кто ранее не был знаком с работами Биона, информация может вызывать сопротивление и даже «кессонную болезнь». Те коллеги, кто давно и уверенно ныряют на бионианские глубины, могут заскучать. Верно одно — после погружения отрицать огромный подводный мир Биона будет уже невозможно.

Бцион считал, что аналитик должен слушать пациента в определенном состоянии, «*состоянии открытия*», в котором приоритетно место для интуиции. В этом состоянии аналитик максимально свободен *от воспоминаний, желаний и потребности понимать пациента*. На каждой сессии аналитик воспринимает пациента так, словно видит впервые. В таком состоянии аналитик способен продуцировать такие интерпретации, которые способствуют изменению психоаналитического объекта, иначе — объекта познания.

Интерпретация может быть описана как процесс перехода от параноидно-шизоидной позиции к депрессивной: от способности терпеть неуверенность и тревогу в связи с отсутствием связности материала и его понимания к тому моменту, когда будет найден способ объединить его по-новому. Интерпретация — это движение от бытия пациента к бытию безопасности. Здесь Бцион вспоминает Уолпорта, который применил к интерпретациям понятие «спокойное окунание»¹, когда в свободном плавании натыкаешься на отсутствовавшие до сих пор вещи, наброшенные друг на друга, чтобы рассмотреть, понять и узнать их.

Бцион полагает, что аналитик способен интуитивно чувствовать и предсказывать болезненные эмоции пациента до того, как они станут очевидными для последнего. Элемент, предшествующий этим эмоциям, должен быть исследован. И одной из целей психоаналитической интуиции является *избегание причинения ненужной боли пациента*.

Также аналитику важно воспитывать свои аналитические способности с помощью ассоциативных упражнений об «эдипе». Это помогает развивать интуицию и способность выбирать адекватную версию «эдипа» в контексте той истории, которая разворачивается в психоаналитическом взаимодействии.

Бцион предлагает *теорию преобразований*, которая опирается на *психоаналитическое наблюдение*. Оформленные в слова, ассоциации пациента — продукт преобразования его мыслей и эмоций, которые указывают на события: внешние и внутренние, прошлые и настоящие. Таким же образом психоаналитическая интерпретация является словесным преобразованием мыслей аналитика, которые являются частью процесса преобразования эмоционального опыта, полученного во время контакта с пациентом.

Бцион говорит, что работающее мышление действует в соответствии с тремя глаголами: *обнаруживать, встречаться и терять*. И, хотя аналитик пытается интерпретировать то, что происходит «здесь и сейчас», все равно любая интерпретация в анализе всегда приходит поздно. В настоящем интерпретируется только прошлое. Б.А. Еремин вводит следующие метафоры: «Вспомним слова Кафки: “Мессия придет только тогда, когда в нем уже не будет никакой необходимости. Он придет на следующий день после того, как будет возведен его приход. Он придет не в последний день, а в самый последний день”. Барриер звучит в унисон: “Мышление приходит слишком поздно, опоздав на один день, как мессия Кафки.

1 Введение в работы Биона: группы, познание, психозы, мышление, преобразования, психоаналитическая практика. Л. Гринберг, Д. Сор, Е. Т. де Бьянчеди/ Пер. с англ. А. Е. Шутков. — М., 1998. Стр. 72.

Бион предлагает теорию преобразований, которая опирается на психоаналитическое наблюдение. Оформленные в слова, ассоциации пациента — продукт преобразования его мыслей и эмоций, которые указывают на события: внешние и внутренние, прошлые и настоящие.

Или приходит только в конце дня, как слова Гегеля, как сова богини мудрости Минервы², улетающая в сумерки. Эта птица прилетает к людям только на закате дней, в полумраке старости, ближе к ночи, когда у них нет ни сил, ни желаний что-либо менять в своей жизни». Аналогичная аллегория стала утверждением Георга Вильгельма Фридриха Гегеля «сова расправляет крылья только ночью». Гегель говорит о глубоко погружении в мысли и чувствительность. Эти моменты чаще случаются по ночам или поздно вечером, моменты, когда мы можем внимательно подумать о прошедших днях. Нам порой необходим луч интенсивной темноты. Сова — метафора для «сна аналитика» и его способности к воображению. К кому-нибудь из нас, уважаемые коллеги, хотя бы однажды залетала такая сова?».

Бион считает, что знание — это не то, что мы знаем, но то, что мы еще сможем узнать.

Знание — это будущее. Он предлагает не тратить время на то, что уже открыто в анализе, а рекомендует сосредоточиться на том, что предстоит узнать.

Мне показались интересными размышления Биона о работе с пациентами, которые демонстрируют провал интеллектуального «эдипа» и показывают неспособность воспринимать интерпретации аналитика. Это пациенты со спутанными ценностями. Б.А. Еремин описал их так: «Они путают, грубо или тонко, интеллект с количеством информации, критику с унижением, ошибку с вредом, искренность с общительностью, интимность с отсутствием уединенности, секс с любовью, мысль с мышлением, ненасытность с эффективностью, зависть с ревностью, флирт с анализом, ухаживания с вежливостью и т.п.». Их эдипова конфигурация стагнирует, она хрупка и нестабильна, а эмоции недоступны для интерпретации. Такие пациенты находятся в контакте с неопределенностью и дезориентированы. Психологические защиты могут выбросить их в катастрофическую безэмоциональную пустыню. Интерес к пониманию работы своей психики у таких пациентов теряется внезапно. Они устремлены к получению эффективных формул для удовлетворения материального.

Ментальное состояние «провалившихся» пациентов не описывается ни как сознательное, ни как бессознательное, но как недоступное. Они знают об опасности, угрожающей их хрупкому Я при контакте с аналитиком. Когда аналитик дает интерпретации, то невольно раскрывает свою эдипову конфигурацию и свою уязвимость. Поэтому такие пациенты могут выполнять бессознательные желания аналитика, и анализ рискует стать бесконечным. Всегда на аналитике лежит большая ответственность за то, чтобы меняться. Либо будет меняться аналитик, либо психоаналитический процесс изменит аналитика. И всегда в худшую сторону.

По мнению Б.А. Еремина, при работе с такими пациентами необходимо избегать повторения интерпретаций, ибо повторение важнее для аналитика, чем для пациента; он утверждает: «Бион подчеркивает важную способность аналитика связывать все с воображением,

² Минерва (лат. Minerva) — древнеримская богиня мудрости и войны, покровительница ремесленников, писателей, актёров, поэтов, художников, учителей, учащихся и врачей. Входила в триаду наиболее важных богов Древнего Рима, вместе со своим отцом Юпитером и его женой Юноной. См. <https://ru.wikipedia.org/>

с богатыми поэтическими образами. Только воображение допускает творческие интерпретации, содержит элементы неожиданности, новизны и удивления, что стимулирует психическую подвижность. Даже творческие интерпретации порою неадекватны, потому что мы имеем дело с реальной жизнью, а их эффекты находятся внутри пациента. Вера в существование аналитика, который дает правильные и адекватные интерпретации, является частью мифологии анализа». И продолжает: «Истина недостижима. Но у нас есть выбор. Мы можем вообразить, что бы случилось, если бы она была достижима, и позволить бессознательной фантазии сформулировать для нас, на что она была бы похожа».

Бион предлагает изменить два психических принципа функционирования Фрейда (удовольствия и реальности) на три принципа жизни. Фрейдовские принципы, по мнению Биона, могут создавать ложную предпосылку, что анализ настолько меняет реальность пациента, что способен избавить от боли. Ранее уже говорилось об избегании в анализе ненужной боли. И ее важно отличать от другой боли, без которой не может обойтись ни один анализ, ведь он создает условия пациенту для познания самого себя. Здесь речь идет о той боли, которая присуща процессу познания. Еще ее можно назвать болью жизни, с которой анализ не может сделать ничего. «Жизнь нужно проживать, а не подвергать анестезии разными способами. Эмоциональная связь и эмоциональная близость — это фундаментальные человеческие потребности в спектре нарциссизма и социальности», — говорит Б. А. Еремин.

Порой кажется, что человеческая способность терпеть правду о себе является хрупкой. Ведь истина — источник боли, а желание познания никогда не может быть удовлетворено или завершено. Порой психика испытывает готовность противостоять этой боли, что выражается в уклончивых действиях и самообмане. Уход от этой боли подвергает пациента опасности потерять контакт с реальностью, а утрата боли катастрофична для психики. Прогрессом в психоанализе будет считаться умение выдерживать боль, сопровождающую психическое развитие.

Базовой человеческой особенностью, по мнению Биона, является восприимчивость и чувствительность к эмоциям. Люди — невероятно чувствительные существа, намного больше, чем хотелось бы. Борис Александрович вспоминает, что в нашем языке есть такие устойчивые выражения, как «ранимое сердце», «хрупкая натура», «игра с чувствами» и т. д. Каждая человеческая встреча генерирует эмоциональную турбулентность. Здесь таится много подводных камней. Бион замечает, что напряжение между двумя людьми может быть настолько слабым, что оно не будет их стимулировать. Или различия в отношениях и/или темпераменте настолько велики, что обсуждение станет невозможным. Или в конкретной ситуации настолько мало напряжения, что в ней не будет стимулов, или в ней так высоко напряжение, что она не сможет быть продуктивной.

Поэтому любой анализ всегда становится плохой работой. Бион говорит, что перспективной в анализе может стать способность выдерживать эмоциональную турбулентность, порожденную чувствительностью. И, конечно, это определяется типом решения, которое принимается по отношению к ней — выдерживать её или нет.

Принципы жизни, которые Бион рекомендовал использовать вместо двух принципов функционирования Фрейда, основаны на связи между качеством

Принципы жизни основаны на связи между качеством эмоциональной близости и аналитической способности: чувство + мышление + предвидение того, к чему приведет действие. Эти принципы предполагают, что чем более интимны аналитические отношения, тем больше они содержат жизни.

эмоциональной близости и аналитической способности: *чувство + мышление + предвидение того, к чему приведет действие*. Эти принципы предполагают, что чем более интимны аналитические отношения, тем больше они содержат жизни. Еще они предостерегают психоаналитика от попыток лечения той эмоциональной боли, из которой сплетена ткань жизни.

«Бион заявил, — отмечает Б.А.Еремин, — что будущее человечества зависит от эволюции способности человека стать социальным существом. А значит, что [...] он должен научиться нести факты жизни: переносить боль, разницу полов, поколений до последующего увеличения способности выносить различия между человеческими существами. Психоаналитик — это та личность, которая, пребывая под эмоциональным давлением, все равно пытается дать рождение той функции пациента, что обеспечит ему возможность движения к социальности».

Б.А. Еремин в своем докладе задается вопросами о том, как лучше делать всегда плохую работу, если признавать: бессознательное непознаваемо, правильных интерпретаций не существует, и что бы аналитик ни делал в анализе, этого всегда недостаточно? Как принять свою ограниченность как жизненный факт? Как признать ограниченность психоаналитических возможностей без тотального разочарования? Как сохранить аналитическую способность «без памяти и желания»? И здесь вспоминаются *этико-эстетические принципы* Биона, которые являются естественным следствием принципов жизни. Они несколько пессимистичны и подчеркивают трудность работы анализа, поскольку для достижения творческой интерпретации аналитик должен терпеть следующее: неопределенность работы, неполноту интерпретации, бесконечность поля, неразрешимость наблюдений, негативность внимания, собственную уникальность и уникальность пациента, а также сложность аналитического объекта (объекта познания). Суммарно эти принципы выражают следующие идеи:

1. *Принцип неопределенности*. Ни в каком поле, ни в какой формуле, ни в одной идее не существует расшифровки для изложения бессознательного. Если одно наблюдается, то другое всегда остается ненаблюдаемым. В процессе анализа аналитик самостоятельно решает, какова ситуация. Никто не может сказать об этом — только его собственная способность создавать психический объект (объект познания).

Одна из ошибок психоаналитического тренинга, по мнению Еремина, заключается в том, что кандидату рассказывают, какие интерпретации давать. Хуже всего, когда говорят, что существуют правильные интерпретации. А их нет. Никто не способен выбраться из своей системы координат, поэтому все делают плохую работу. И все интерпретации — это лишь вариации памяти желаний и потребности понимания.

2. *Принцип неполноты*. При наличии неопределенности никакое наблюдение не может считаться полным и никогда не может быть завершено. Этика анализа предлагает игнорирование желаний: постоянное, поддерживающее и открытое. Аналитик всегда ближе к анализу, чем пациент. Если аналитик оставляет себе шанс постоянно чему-то учиться, то он не позволит ни пациенту, ни кому-либо еще настаивать на том, что знает все ответы. Поэтому необходимо дать аналитику возможность не соглашаться с тем, чтобы стать великим аналитиком или кем-то еще. Аналитик должен жить как обычный человек, совершающий ошибки. В анализе он должен *пытаться* помочь, но не *обязан* помогать. Обязан ли он добиваться успеха?

3. *Принцип неразрешимости*. Во всех аналитических отношениях случается ситуация, когда невозможно решить, что от аналитика, а что от пациента. Это столкновение с O^3 . Только

3 Символ О. Какой в него вкладывал смысл сам Бион? Символ О образуется путем экстраполяции всего того, что в другой понятийной системе может быть названо «полностью непознаваемой реальностью», «абсолютной истиной», «реальностью», «вещью-в-себе», «бесконечностью», «неизвестным». В психоанализе, имея дело с психической реальностью или бессознательным, Бион использует символ О для всего, что является неизвестным о пациенте, другими словами, для его психической реальности, проявляющейся во множестве преобразований. См. Введение в работы Биона: группы, познание, психозы, мышление, преобразования, психоаналитическая практика. Л. Гринберг, Д. Сор, Е. Т. де Бьянчеди/ Пер. с англ. А. Е. Шутков. — М., 1998. Стр. 50.

эволюция О определяет точку пересечения смысла. В начале психоаналитического процесса пациент еще незнаком аналитику, поэтому аналитик может прибегнуть к помощи теории, чтобы принять решение по некоторым вопросам. Эти решения полезны лишь в течение короткого времени. Позднее все ответы будут даны пациентом. Они состоят из того, что аналитик не может видеть, слышать и чувствовать.

4. *Принцип бесконечности.* Бессознательное бесконечно и непознаваемо. Феномены, участвующие в наблюдениях, свободные ассоциации и разного рода трансферы в спектральной модели Биона имеют характер бесконечности.

5. *Принцип негативности.* Аналитические наблюдения происходят только в состоянии без памяти, без желаний, без потребности понимать. За негативной способностью есть чистое психическое состояние. Место аналитика должно быть местом невозможности. Функция аналитика — это функция, которая не работает, если пациент идентифицирует функцию «аналитик». С того момента, когда аналитик рассматривается как занимающий место аналитика, анализ прекращается. Анализ, как и все миротворчество, начинается и продолжается до тех пор, пока он способен поддерживать дискуссию на языке, отличном от аналитического.

6. *Принцип сингулярности и комплиментарности.* Аналитическое наблюдение включает в себя идеал, который является сообщением открытий. Но поскольку эти открытия возникают в сфере аналитических отношений, то приобретают особенность истории каждого анализируемого.

7. *Принцип сложности.* Охватывает все предыдущие принципы. Указывает, что в анализе, как и в жизни, все гораздо хаотичнее и сложнее. Все гораздо хуже, чем можно думать и понимать. Абсолютные факты никогда не могут быть познаны. Их можно называть временной переходной системой. Следствие этого — понимание аналитических объектов для применения в трех областях: мифы, чувства, страсти. Психоаналитическая интерпретация выступает движением, объединяющим эти области. Блон предложил идею функции, которая придает смысл внутренним и внешним раздражителям. Неудача в интеграции мифов, чувств и страстей может быть более регулярной, чем успех с болью.

Подводя итог, Борис Александрович говорит: «И все же аналитику удастся следовать этим принципам. У него появляется возможность изменить свой способ работы. Он начинает рассматривать всякий материал подобно художнику, разглядывающему краски, которыми он будет писать холст в свободной форме; подобно композитору, который будет импровизировать на инструменте до тех пор, пока звуки и формы не будут возникать самопроизвольно. Аналитик в спонтанной манере будет слушать пациента, и разговаривать с ним. Аналитик будет формировать ту картину, которая появляется в его мышлении, напоминающую сновидение. Если аналитик осознает свои эдиповы конфигурации и уязвимости, придерживается вышеуказанных принципов, с вершины которых только можно рассматривать аналитический объект, то мы будем иметь набор интерпретаций, обусловленных присутствием памяти и желаний аналитика».

Мое погружение в «море идей Биона» подошло к своему завершению. Пора выныривать. Можно ли сказать, что я теперь знакома с морскими глубинами? И да, и нет. Да — потому, что теперь я имею некоторое собственное представление о процессе погружения, и удивительно, что в этих глубинах нашлось много знакомого и понятного. Нет — потому, что морские глубины скрывают еще много непознанного. И если всякий анализ — это априори «плохая» работа, то и любой пересказ любого доклада — тем более, плохая работа. Однако, мне важно было проделать эту «плохую» работу, понимая все ее неизбежные ограничения. Возможно, у читателя возникнет интерес и желание погрузиться в это море. Это погружение, после которого уже не будешь прежним, трансформация неизбежно произойдет. И, как в одну воду невозможно войти дважды, так и погружения в идеи Биона у каждого свои. Мне хочется продолжать. А вам? ■